

всѣхъ журналовъ. Потомъ замѣчательнѣйшей статей въ этомъ родѣ было «Обозрѣніе русской словесности 1829 года» И. Кирѣвскаго, напечатанное въ «Денницѣ» Максимовича. Въ статьѣ Кирѣвскаго чувствуется присутствіе мысли; по крайней мѣрѣ, есть нѣсколько отдѣльных мыслей, вѣрныхъ и оригинальных; но приложеніе ихъ отзывается неопредѣленностью и не идетъ къ дѣлу. Кирѣвскій не только безусловно и безотчетно превознесъ, а не оцѣнилъ,—ибо оцѣнка есть сужденіе, а не гимнъ хвалебный,—Исторію Карамзина, но и разныя маленькія знаменитости того времени. Такъ, напр., онъ накиннулъ «душегрѣйку новѣйшаго унынія» на греческую музу Дельвига, между тѣмъ какъ въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ еще менѣе античнаго, пластическаго и антологическаго, чѣмъ русскаго въ его русскіихъ пѣсняхъ. Даже въ стихотвореніяхъ Шевырева Кирѣвскій нашелъ только одинъ недостатокъ—не отсутствіе поэзіи которой въ нихъ совершенно нѣтъ, не дику вычурность абстрактныхъ идей и напряженнаго выраженія, а—«излишество мысли»!.. Это обозрѣніе возбудило противъ себя сильную враждебность въ журналахъ, сколько по своимъ парадоксамъ, столько и по нѣкоторымъ истинамъ, горькимъ и рѣзко высказаннымъ, которыя не всѣмъ могли понравиться.—Вообще главный отличительный характеръ всѣхъ прежнихъ литературныхъ обозрѣній состоитъ въ томъ, что они обобщались мнимыми литературными сокровищами. Отрывокъ изъ неоконченной поэмы считался важнымъ приобрѣтеніемъ для литературы; плаксивая элегія, напечатанная въ альманахѣ, возбуждала толки и споры; всякая повѣстка считалась дивомъ. Теперь смѣшно и вспомнить, какъ всѣ были заинтересованы коротенькими отрывочками изъ повѣсти Байскаго «Гайдамаки»,—повѣсти, дѣйствительно, не дурной по разсказу, но тянувшейся нѣсколько лѣтъ и оставшейся безъ конца и связи. Даже романъ В. Ф(О)едорова «Андрей Курбскій» возбуждалъ ожиданіе и толки. Числительное богатство принималось за качественное, и этому богатству конца не видѣли. Книгъ было немногимъ больше теперешняго, но зато почти каждая книга считалась важнымъ явленіемъ въ литературѣ; крохотные отрывочки въ крохотныхъ альманахахъ, каждое стихотвореніице, даже эпиграмма,—все это поименовывалось въ «обозрѣніяхъ» и причислялось къ общей суммѣ литературнаго богатства. Иначе и быть не могло. Всякая важная новость, смѣняющая собой надоевшую старину, принимается за одно съ достоинствомъ и совершенствомъ. Такъ-называемый романтизмъ былъ тогда еще новостью, и потому почти всякое «романтическое»

произведеніе почиталось «превосходнымъ» произведеніемъ. Восхищеніе отнимало способность думать и судить.

Въ чемъ же долженъ состоять характеръ литературныхъ обозрѣній нашего времени? И даже есть ли теперь что-нибудь, что обозрѣвать? Вѣдь теперь и книгъ меньше, и журналовъ меньше, стало быть, и литература вообще бѣднѣе!

Такъ можетъ казаться, но не такъ это на дѣлѣ. Мы сейчасъ сказали, что богатство прежняго періода нашей литературы было больше числительное, нежели качественное, больше воображаемое, нежели существенное. Истинное ея богатство состояло въ произведеніяхъ Пушкина, да въ «Горѣ отъ Ума» Грибоѣдова; кое-что изъ остальнаго имѣло свое относительное достоинство, а большая часть—ровно никакого, между тѣмъ какъ все это принималось тогда почти съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и новыя произведенія Пушкина. Кто не считался тогда поэтомъ, кто не былъ знаменитъ?—Теперь едва ли повѣрять, если сказать, что съ небольшимъ лѣтъ за десять имена Олина, Карльгофа, Сомова, Писарева, Аладына, Раича, Погорѣльскаго, Яковлева (автора «Удивительнаго Человѣка»), Илличевскаго, Ротчева, Глаголева и многих, многихъ другихъ считались чуть не знаменитостями литературными... Что касается до журналовъ,—ихъ было больше, потому что ихъ легче было издавать. Страсть печататься доставляла издателямъ или за самую умѣренную пѣну, или—и это большей частью—совершенно безденежно переводныя и оригинальныя статьи, которыми они и наполняли тощенькія и маленькія книжки своихъ журналовъ. «Телеграфъ» столько же по величинѣ своихъ книжекъ и по внѣшнему изяществу изданія, сколько и по внутреннему достоинству справедливо считался первымъ и лучшимъ журналомъ въ Россіи; а между тѣмъ каждый томъ «Телеграфа», заключавшій въ себѣ четыре книжки за два мѣсяца, едва ли не въ половину меньше былъ каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ», выходящей одинъ разъ въ мѣсяцъ. Если разница во внѣшнемъ изяществѣ изданія «Телеграфа» не слишкомъ велика съ нынѣшними журналами, то взгляните на картинки модъ «Телеграфа» и сравните ихъ съ нынѣшними. Конечно, все это не составляетъ сущности журнала, но мы и говоримъ не о сущности, а о трудности, съ которой, по причинѣ усилившихся требованій со стороны публики, теперь сопряжено изданіе журнала сравнительно съ прежними временами. Что же касается до сущности, то и тутъ какая огромная разница! Тогда «Телеграфъ» щеголялъ повѣстями Марлинскаго, которыя считались созданіями ве-